

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 165—173.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 165—173.

Научная статья
УДК 1(091):165.194
EDN <https://elibrary.ru/bxruyo>
DOI: 10.46726/И.2025.3.18

ФИЛОСОФИЯ ПОНИМАНИЯ: РАННИЕ ФОРМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Философия понимания — одно из направлений современной эпистемологии. В эпистемологическом контексте о понимании рассуждают в связи с мышлением, сознанием и познавательной деятельностью. При этом познание как способность человека воспринимать естественный порядок мира и придавать смысл вещам, процессам и событиям как раз и означает ту самую способность понимания, о которой рассуждают философы, придавая этому феномену теоретическое значение и философский смысл. Понимание соотносят не только с познанием, но и с интерпретацией. Причем соотношение понимания и интерпретации квалифицируется как основной предмет философской герменевтики. Исторически наиболее ранние формы интерпретаций, о которых пойдет речь в данной статье, показывают, как шел процесс осмысления содержания того, что понято и чему придавался особо значимый смысл в познании вещей и событий, в понимании образов сновидения, авторитетных высказываний, текстов. На примере различных культурно-исторических традиций истолкования делается вывод о значении понимания устного слова в становлении методологии интерпретации.

Ключевые слова: познание, сознание, понимание, сновидения, образы, традиционные верования, интерпретация

Для цитирования: Шульга Е.Н. Философия понимания: ранние формы интерпретации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 165—173.

Введение. Традиция бережного, адекватного отношения к устному слову, выяснение специфики отношения к интерпретации речи, к пониманию отдельных высказываний и к текстам самого разного содержания — все это оказывает влияние на формирование методологического аппарата философской герменевтики, в центре внимания которой соотношение понимания и интерпретации. Как область философского знания, герменевтика уже на самых ранних этапах своего развития ориентируется на понимание каждого произнесенного вслух слова, авторитетного высказывания, наконец, текста. Мировоззренческая составляющая в понимании контекста услышанного истолковывается в соответствии с тем смыслом, который представляется очевидным, понятным, соответствующим той проблеме, которая обсуждается и по отношению к которой высказывание получает должный смысл и соответствующее истолкование.

Герменевтика существует более 2,5 тысяч лет и в течение этого времени эволюционирует от искусства к теории, сохраняя философский статус в силу самой проблематики, касающейся фундаментальных вопросов соотношения

знания и понимания, понимания и сознания. Зарождение герменевтики как искусства интерпретации связано с многовековой практикой толкования устного слова, произнесенного социально значимым и авторитетным лицом, например, жрецом, оракулом, пророком или священником. На первых этапах истории человечества восприятие мысли, высказанной вслух, понимание того, что сказано особо почитаемым лицом, должно было поддерживать в людях их традиционные верования и при этом обеспечивать социально организованный порядок. В конечном итоге практика истолкования устного слова сформировала сложившуюся в народе культурную традицию, элементами которой становились события, конкретные факты или даже природные явления, которые подвергались истолкованию и понимание значения которых для выживания как раз и оказывало влияние на формирование целостной картины мира.

Понимание в его широком значении обусловлено миропониманием конкретного народа, существующей картиной мира, типичной для этой культуры. В эпистемологическом контексте такой подход к пониманию и интерпретации указывает на существование прямой зависимости между пониманием, способом познания и типом знания, характерного для конкретной культурно-исторической эпохи. Таким образом, предметная область герменевтики определяется не только соотношением понимания и интерпретации, но учитывает в процессе формирования своего методологического аппарата уровень знания и способы познания.

От герменевтики образов сновидения к вопрошанию и пониманию устного слова. К наиболее древним герменевтическим практикам относится толкование образов сновидений. Эта практика была распространена повсеместно, создавая особую культуру отношения к сновидению с его образами и событиями, смысл которых нуждался в разъяснении.

Трепетное отношение человека к наиболее ярким образам сновидений можно объяснить тем, что они воспринимаются как послания свыше — из другого мира — невидимого, но включенного в существующую картину мира. Для человека, видевшего сон, его образы истолковываются сообразно тому, что случается с ним наяву, в реальной жизни, или что ожидает услышать и понять сам человек, рассказывая о своем сне в надежде получить нужную подсказку в принятии жизненно важного решения. Поскольку события сновидения не всегда были понятны человеку, они нуждались в истолковании, т. е. должны были соотноситься с тем, что происходило наяву или что подтверждалось последующими событиями реальной жизни человека.

Например, в древнем Египте были широко распространены практики инкубации — сон в храме в присутствии жреца-толкователя, задача которого состояла в том, чтобы сразу по пробуждении человека расспрашивать его о том, что тому приснилось, и истолковывать этот сон сообразно пониманию образов сновидения и в контексте проблемы, ради которой человек проходил инкубацию. Для народов майя практика получения ответа на задаваемый вопрос была довольно бесчеловечной — девушек майя приносили в жертву, оставляя одних в пещере или бросая в глубокий колодец с водой. Если жертва выживала по прошествии какого-то времени и отвечала на задаваемые вопросы, то жертвоприношение расценивалось как благоприятный знак виртуального путешествия в подземный мир. Во всех случаях получение «божественного послания» укрепляло традиционные верования людей, а истолкование «священного послания» поднимало авторитет толкователя.

Практику получения такого рода знания, его интерпретацию можно характеризовать как опыт коммуникации, направленный на поиск ответов на вопросы, превосходящие простые возможности самого человека.

Интерес к собственным сновидениям, распространение практики толкования образов сновидений объясняется естественной потребностью человека получать сообщения от божества, что типично, например, для античного человека с его верой в сверхъестественное. Дело в том, что античный человек более близок к восприятию божественного участия в его жизни, чем человек современный. Для нас понятие божественного является более трансцендентальным по смыслу, и мы оцениваем все, что происходит в мире, а также события собственной жизни скорее рационально, чем мистически. Поэтому отношение греков к образам сновидений нам может показаться наивным и не заслуживающим внимания. Однако нельзя забывать, что в миропонимании древних греков важную объяснительную функцию первоначально выполняет миф с его многочисленными сюжетами из жизни богов, героев и людей.

Слово «миф» 2,5 тысячи лет тому назад впервые стал использовать Ксенофан, объясняя образным языком те высказывания Гомера и Гесиода, которые воспринимались его современниками как общепринятые истины. Со временем «миф» стали противопоставлять «логосу» и «истории». Понятие «логос» использовалось в объяснении причины вещей, а понятие «история» применялось при сопоставлении событий, которые в действительности имели место. Постепенно «история» приобретает предметную направленность, а термин «логос» получает множественное и широкое использование, в первую очередь у философов для уточнения высказываемого положения или для передачи смысла своего учения.

У греческих философов «Логос» — это «слово», «мысль», «разум», «начало всего», «душа», «космос». Например, «Логос Гераклита это — начало, определяющее все процессы быстротечного мира, рациональная его сущность, сходная с тем, что человек сознает в себе как разум. Эту родственность мышления и “скрытой гармонии” космоса философ подчеркивает, называя и то и другое “Логосом”: “Идя к пределам души, их не найдешь, даже если пройдешь весь путь: таким глубоким она обладает Логосом”; “душе присущ самообогащающийся Логос”. И по аналогии с человеческим разумом Логос мира проявляет себя как “замысел, устроивший все”» [Мень: 112].

Философское объяснение всего, что происходит в жизни человека посредством единственного, хотя и ёмкого по содержанию понятия, по-видимому, не случайно для греческих мыслителей. Скорее всего, это свидетельство преимущества образного мышления над понятийным, что характерно для обычного уровня познания, ориентированного на простое и понятное объяснение событий обычной, повседневной жизни людей. Кроме того, на ранних этапах развития философской мысли многочисленные объяснения сложных явлений и процессов на языке чистых понятий еще только находили свое воплощение, поскольку предельно общие, отвлеченные понятия только оформляются в языке, постепенно создавая философский лексикон. В это же время в познании человека получила распространение идея двойственной природы человека — телесной и духовной. Этим объясняется и сам факт внимательного отношения человека к образам сновидений, в процессе которых душа как бы покидает тело и путешествует вне тела, возвращаясь к человеку с определенными подсказками. Так, Аристотель полагал, что душа является выражением человеческой сущности, и подтверждением этому являются сновидения.

Философ был уверен в том, что во сне душа человека может путешествовать вне тела. При этом образы сновидений как раз и подтверждают существование двойственной природы человека — телесной и духовной, поэтому, согласно Аристотелю, нельзя в резкой форме будить спящего — его душа может не вернуться в тело.

Как элемент герменевтического искусства, истолкование образов сновидений получило собственное оригинальное название — *онирокрисия*, принцип которого формулируется как «переход от вероятного к вероятному» [Фестюжьер: 167]. Под «вероятным», «возможным» следует понимать то, что является истинным, либо будет истинным. В интерпретации сновидения это означает согласование того, что увидено во сне, с тем, что произошло в реальности.

Понятие «онирокрисия» использует Артемидор Эфесский, который написал «Трактат об истолковании снов» в пяти томах, соединив в единый текст описание опыта различных традиций истолкования. Артемидор анализирует сны, которые сбылись, использует образы сновидений для предсказания будущего и выделяет четыре принципа предсказывающей интерпретации образов: «многое через многое», «многое через малое», «малое через многое» и «малое через малое». Он предлагает обращать внимание на буквальное значение образов — это то, что было увидено во сне и что сбылось наяву. Вместе с этим в истолковании сюжета сновидения стоит учитывать его аллегорический смысл.

Аллегорические сновидения сложнее для интерпретации, поскольку явления в них события могут предвещать другие события, что как раз и соответствует принципу перехода от вероятного к вероятному. Поскольку верили, что душа, путешествуя во сне, намекает человеку на что-то, то это «что-то» как раз и становится основанием для аллегорического истолкования.

Каждый образ сновидения имеет свое значение и истолковывается в контексте всей совокупности образов и событий. Для интерпретатора это означает, что в сложных событиях и образах сна следует искать их наиболее значимые элементы и толковать каждый из них в отдельности. Признавая именно такой подход к интерпретации сновидений, Артемидор приходит к необходимости составления «толкового словаря» образов сновидений, воплощение смысла которых в реальной жизни человека подтверждает уместность того или иного их толкования. Например, животные, увиденные во сне, интерпретируются с точки зрения проявления их природных качеств (дикость волка и кабана, хитрость лисы и кота, необузданность и скорость бега коня). Тот же образ коня из сновидений используется в платоновской философии, но уже как метафора, указывающая на понимание философом природы человеческой души. Такое образное описание сложной природы человеческой души согласуется с принципом интерпретации «многое через малое» в типологии Артемидора.

Принципу интерпретации «многое через малое» соответствует истолкование Сократом сна, который он увидел накануне казни и о котором поведал своему ученику Критону. Вот как этот эпизод описывает Платон в диалоге «Критон».

Придя в темницу к Сократу и застав того спящим, Критон, дождавшись его пробуждения, сообщил, что скоро прибудет корабль с Делоса, а это значит, что заканчивается отсрочка его казни и нужно бежать из темницы, пока не поздно. Кроме того, друзья сочтут позором для себя, если не спасут учителя.

Сократ. В таком случае я думаю, что придет не сегодня, а завтра. Закрываю же я это из некоторого сна, который видел этой ночью незадолго перед тем, как проснулся, и, пожалуй, было кстати, что ты не разбудил меня.

Критон. А какой же это был сон?

Сократ. Мне казалось, что подошла ко мне какая-то прекрасная и величественная женщина в белых одеждах, позвала меня и сказала: «В третий ты день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой».

Критон. Какой странный сон, Сократ!

Сократ. А ведь смысл его как будто ясен, Критон. [Платон: 98].

Итак, аллегорический образ прекрасной женщины в белых одеяниях в сновидении Сократа связан со словами из Гомера о скором возвращении на родину. Смысл этих слов Сократ понимает не трагически, но буквально. Он абсолютно уверен в истинности своего пророческого сна, поэтому о побеге даже не помышляет. Сократ приводит множество доводов этому и находит свой главный аргумент — бегство будет нарушением законов, а он сам требовал их соблюдения, утешая тем Критона и своих учеников, которые присутствовали при казни. Последние его слова: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте».

Почему Сократ вспоминает Асклепия в последние минуты жизни? Как известно, в греческой мифологии Асклепий — бог врачевания. Он исцеляет, и он же возвращает к жизни. Греческая традиция требует после исцеления приносить богу врачевания дар — таким даром как раз и является петух, утреннее пение которого будит людей, возвращает к новой жизни.

Вера в то, что посредством образов сновидения можно получить предсказание, была довольно распространенной в эпоху античности и даже в более поздние эпохи. Так, Гален — знаменитый врач и философ, живший при дворе Марка Аврелия — был уверен в том, что сновидения могут информировать о болезни и давать подсказку ее лечения.

Объясняя появление образов сновидений на сущностном уровне, Демокрит характеризует их появление как «моментальное схватывание», подразумеваемая способность человека не только видеть сон, но и запоминать его, делая выводы по отдельным знакам или внешним приметам, их потенциальному влиянию на восприятие тех событий, которые происходят (или в скором времени произойдут) в реальной жизни человека. Рассуждая в контексте философии понимания, следует обратить внимание на то, что эпистемологический смысл образов сновидения, воспринятых и понятых человеком, связан с переходом от символического восприятия к рациональному объяснению, благодаря которому сновидение как раз и осознавалось таковым. В концепции Демокрита акт «моментального схватывания» можно характеризовать как отражение в сознании человека впечатления от того значения, которое сам человек придает увиденному во сне, ассоциируя эти образы и знаки с внешними предметами, оценивая их потенциальное влияние на возможные жизненные ситуации или события.

От практики вопрошания к искусству истолкования. Устойчивый интерес человека к получению знания сверхчувственным образом подтверждает сам факт повсеместного распространения практики вопрошания. Наиболее примитивным способом вопрошания является простое угадывание, например, по небесным знамениям, природным явлениям и приметам, по неожиданно сказанному слову или упавшему предмету, по линиям на ладони руки, по причудливым отражениям горящего светильника, наконец, по текстам Гомера и Гесиода. Интерес к знанию, получаемому сверхчувственным путем, подтверждает распространение по всей ойкумене святилищ, где осуществлялись прорицания. Наиболее известные — это оракул Аполлона в Дельфах, Зевса в Додоне,

Олимпии и в Ливии, где вопрошавший проводил ночь в храме в надежде получить во сне откровение или исцеление.

Наряду с оракулами эллины с большим почтением относились к провидческому дару отдельных пророков, чьи прорицания не зависели от священного места и ритуала, но были личным достоянием самого прорицателя. Общение с ними предполагало умение коротко и ясно сформулировать вопрос с целью постичь тайну божественного замысла или заглянуть в свое будущее. В античной культуре способы получения такого рода откровений и их истолкование приравнивались к искусству как проявлению высшего мастерства в сочетании с природным даром — умением в доступной форме передавать другим крупицы высшей мудрости. Такое искусство получило собственное название «мантика».

Образы сновидений, прорицания оракулов, изречения пророков составляют виды мантического искусства или дивинации, которые со временем были систематизированы по хронологическому принципу, но без их авторской принадлежности. Особую роль в искусстве истолкования занимали «профеты» — собиратели, хранители и толкователи древних изречений. Их еще называли «хресмологи», чья миссия состояла в сохранении древних изречений, определении их адресата и времени создания прорицания (например, изреченного Пифией из Дельф), а также в разъяснении его смысла.

Что касается личности Пифии как носительницы истинного пророческого дара, то Плутарх, который долгое время жил в Дельфах и был жрецом в святилище Аполлона, рассказывает о Пифии так: «Ведь не богу принадлежит и голос, и речь, и выразительность, и ритм, а женщине; он лишь дает образы и зарождает в душе ее свет, открывающий будущее, — ведь это и есть вдохновение» [Приходько: 190]. Пифия (а это культовое имя жриц Дельфийского оракула), сообщая божественное откровение, по сути дела, выполняла функцию пророка, активно привлекая свой разум и всю свою человеческую природу для того, чтобы передать иносказательный смысл образов незримого мира разумным и понятным земным языком.

До наших дней дошло сто сорок семь Дельфийских максим, смысл которых вполне очевиден. Например: «почитай Богов», «чти родителей», «выучив, познай», «знай себя», «чти домашний очаг», «помогай друзьям», «упражняйся в благоразумии», «поступай справедливо», «ничего сверх меры», «стань носителем мудрости», «используй то, что имеешь», «избегай вражды», «презирайте зло», «восхищайся прорицаниями», «уважай себя»^{*}. Как можно заметить, Дельфийские максимы обращены непосредственно к человеку; они наполнены этическим смыслом и могли быть истолкованы пророком в контексте той конкретной проблемы, с которой вопрошающий обращался к Дельфийской Пифии. Ясность понимания высказываний оракула зависела от их интерпретации, осуществляемой в контексте задаваемого вопроса или проблемы. В миропонимании греков, общечеловеческая направленность и эпистемологическая ценность Дельфийских максим возвышала их статус до уровня пророчеств, смысл которых следовало правильно истолковывать. Нацеленность истолкования на понимание сути волновавшей человека проблемы в конечном итоге была связана с самопознанием — с размышлением о самом себе и получении знания о себе.

---

^{*} Delphic Maxims for Modern Followers, translated by Melissa Gold of Hellenion. URL: <https://www.hellenion.org/essays-on-hellenic-polytheism/delphic-maxims/> (accessed: 28.06.2025).

Пророчества хресмолога представляли собой сокровенные высказывания, наполненные божественной мудростью, доступной пониманию обычного человека, но могли быть связаны и с повествованием о событиях старины. Причем словосочетание «пророчество хресмолога» указывало как на личность конкретного человека, так и на содержание того, о чем шла речь, т. е. на «пророчество» или «откровение», например, о будущем. В дальнейшем этот принцип смыслового употребления лег в основу комментирования текстов Священного Писания и получил новое семантическое употребление, указывая на слова Бога, которые следовало понимать буквально так: «вверено слово Божие», а также характеризовать откровения как «живые слова» Его пророков.

Итак, изучение ранних практик толкования позволяет сделать вывод, что изначально они ориентировались на то, чтобы уловить скрытый подтекст в высказываниях оракулов и пророков. Эти высказывания имели отношение к определенному типу знания, сопричастному мудрости, как ее понимали греческие философы. Поэтому роль толкователя состояла как раз в том, чтобы уловить в Слове тот высший смысл, который тождествен мудрости, и затем должным образом донести эту мудрость до понимания ее другими людьми. Такой подход стал одним из первых методов античной герменевтики, задача которой состояла в том, чтобы правильно объяснить смысл высказывания, выявить его скрытый смысл в соответствии с контекстом. Этот же подход широко использовался в интерпретации образов и сюжетов греческой мифологии, а позднее — в библейском экзегезисе, где на первое место выходит проблема понимания истин вероучения при сохранении устойчивого интереса к пониманию природы божественного и человеческого.

Особенность истолкования, присущая конкретным конфессиям, регламентировала отношение к Библии, к пониманию истинного значения каждого фрагмента текста. Искусство истолкования на этом его этапе характеризуется как переход от восприятия устного слова как священного — к пониманию текста как божественного откровения.

Сопоставление различных практик истолкования позволяет представить общую картину формирования философско-методологического аппарата герменевтики. Развитие герменевтики происходило на фоне длительной истории споров и дискуссий между язычниками и иудеями, между иудеями и христианами, где каждый отстаивал собственный взгляд на вероучение и тем самым стремился сохранить незыблемой истинность вероучения. Так, язычники воспринимали иудаизм как «варварское суеверие» на том основании, что это была замкнутая религия «избранного народа». Язычникам было непонятно, почему Бог, творец Вселенной удостоил своей милости только один народ. Христиане же, напротив, распространяли идею «веры среди всех народов» (Римл. 1:5).

Идеологические состязания между евреями и христианами происходили с единственной целью — найти аргументы, раскрывающие содержание книг Библии в соответствии с вероучением. Еврейские учителя обосновывали доказательства и принципы своей веры посредством толкований. Они настаивали на том, что толкование Писания должно совершаться устно и «даже в субботу — основной день изучения Писания для народа — его толкование должно совершаться только устно» [Гиршман: 27]. Проповедник же должен умело использовать аргументацию, чтобы достичь трех целей: убедить, научить и расположить к себе аудиторию, привлечь внимание слушателей и «притянуть их сердца».

С распространением христианства традиция устной проповеди не потеряла своего значения. Наличие в текстах Нового Завета арамейских слов,

следовательно, влияние семитизмов на язык новозаветного писания стимулировали формирование узаконенного отношения к языку Библии, к смыслу каждого слова, что как раз и явилось первым (универсальным) герменевтическим правилом интерпретации текстов.

Например, слово «Пасха», *песах* (т.е. *переходить*) указывало на первый день перед исходом израильтян из египетского плена. Закрепившееся в сознании народа уважение к празднику Пасхи было так велико, что вошло в обычай на Пасху отпускать одного узника по указанию народа. Первые христиане отождествляли «жертву» Пасхи с «жертвой» Иисуса, который был распят во время Пасхи или непосредственно перед Пасхой и находили неоспоримое свидетельство этому в том, что само это слово, как и событие истории, подразумевали страдания Спасителя, «сына Божьего». В иудейской традиции так называли человека, который ведет праведную жизнь, следуя законам и традиции. Для христианина понятие «сын Божий» имеет отношение исключительно к одной единственной личности.

Заключение. Приведенные примеры указывают на факт сохранения многовековой традиции бережного отношения к устному слову, обладающему должным авторитетом. Такое отношение к слову, устному высказыванию, сохраняет актуальность для теории интерпретации, составляя ядро современной философской герменевтики. Оценка практик прошлого опыта истолкования позволяет перечислить некоторые универсальные правила, которых должен придерживаться комментатор: 1) соотносить то, что ясно, к тому, что туманно; 2) соотносить логически когерентное (логически взаимосвязанное) к тому, что оказывается логически противоречивым; 3) принимать во внимание диапазон автора по отношению к его творению. Как можно заметить, эти правила вполне применимы к текстам самого разного содержания. Однако современный опыт философско-герменевтической интерпретации текстов превосходит древние традиции истолкования по нескольким позициям. Современный интерпретатор обращает внимание на слова, понятия и понимание их смысла в контексте фразы или фрагмента текста, но также определяет цель, ради которой написано произведение, научный, философский текст или книга, опираясь в своих выводах на текстуальную критику. Исследователь учитывает историческую информацию (биографию автора, культурную среду и т. д.), сопоставляет различные мнения, оценки, систематизирует знания, полученные из разных источников, и формулирует собственную философскую концепцию. Таким образом осуществляется преемственность знания.

Список литературы / References

- Гиршман М. Еврейская и христианская интерпретация Библии в поздней античности. М.: Мосты культуры, 2002. 183 с.
(Hirschman M. Jewish and Christian Bible Interpretation in Late Antiquity, Moscow, 2002, 183 p. — In Russ.)
- Мень А. (протоиерей). Дионис, Логос, Судьба. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. 396 с.
(Men A. (archpriest). Dionysus, Logos, Destiny, Moscow, 2002, 396 p. — In Russ.)
- Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 97—110.
(Plato. Cratylus, *Plato. Collected Works: in 4 vols*, ed. by A.F. Losev, Moscow, 1990, vol. 1, pp. 97—110. — In Russ.)
- Приходько Е.В. Двойное сокровище: М.: Прогресс—Традиция, 1999. 592 с.
(Prikhod'ko E.V. Double Treasure, Moscow, 1999, 592 p. — In Russ.)

Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб.: Алетейя, 2000, 253 с.
(Festugière A.-J. Personal Religion among the Greeks, St. Petersburg, 2000, 253 p. — In Russ.)

PHILOSOPHY OF UNDERSTANDING: EARLY FORMS OF INTERPRETATION

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The philosophy of understanding is one of the directions of modern epistemology. In an epistemological context, understanding is discussed in connection with thinking, consciousness, and cognitive activity. At the same time, cognition as the ability of a person to perceive the natural order of the world and to give meaning to things, processes and events means the very ability of understanding that philosophers talk about, attaching to this phenomenon theoretical significance and philosophical meaning. Understanding is correlated not only with cognition, but also with interpretation. The relationship between understanding and interpretation is qualified as the main subject of philosophical hermeneutics, whose methodological basis is aimed at studying this correlation. Historically, the earliest forms of interpretation, which will be discussed in this article, show how the process of comprehension of the content of what is understood and which was endowed with a particularly significant meaning in the cognition of things and events, in the understanding of dream images, authoritative statements, and texts took place. By the example of various cultural and historical traditions of interpretation, a conclusion is drawn about the importance of understanding the spoken word in the developing of the methodology of interpretation.

Keywords: cognition, consciousness, understanding, dreams, images, traditional beliefs, interpretation

For citation: Shulga E.N. Philosophy of understanding: early forms of interpretation, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 165—173.

Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com, SPIN: 2114-8054

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com